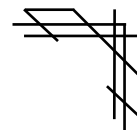

Часть I

Древний Киев до XIII столетия

Украинороссияне –
инородцы и славяне,
молодые и в летах!
Вам истории страницы
всеукраинской столицы
предлагаются в стихах.

Новоявленный риторик,
не поэт и не историк,
просто – местный старожил,
может, даже – самозванный
“правнук прадедов поганый”,
ее в рифмах изложил.

Он от Кия и до Кучмы,
по возможности не скучно,
хоть никто и не просил,
хронику столицы края,
поэтапно изучая,
на свой лад отобразил.

В ворохе газет архивных,
в мудрых книгах и в наивных,
осмысля старину
с точки собственного зренья,
автор этого творенья
понял истину одну.

Если космос создан вечным,
с древним городом приречным
не случится ничего –
атома распад в цепочку
не сумел поставить точку
в биографии его!

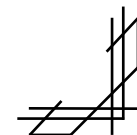
Но пытливый ум волнует:
сколько ж Киев существует,
как в беде страдал не раз,
как он процветал порою
под заботливой рукою –
вот об этом и рассказ.

Счет веков по эре новой
принят с рождества Христова,
даже точный счет годов.
Не хватает только знанья
принять даты основанья
найстарейших городов.

Самый древний город мира
тот, где найдена квартира,
где впервые в “энный” век
в рай семейной атмосферы,
вместо родовой пещеры,
поселился человек.

Прастолицею Востока,
с подтверждением раскопок,
называют город Ур.
В архидревнем Междуречьи –
два поселка человечьи:
Ниневию и Ашшур.

Кто копал вдоль русла Нила,
“первыми” считают Фивы,
Мемфис (где Тутанхамон).
В Ветхом донельзя Завете
первым городом на свете
назван бедный Вавилон.

Между тем, Викентий Хвойка,
археолог-землеройка,
скрупулезно доказал,
в ров спустившись по веревке,
что на нашей Куреневке
питекантроп проползал.

Ромул, вскормленный волчицей,
итальянскую столицу
только думал заложить,
когда первый квартобменник –
из Триполья соплеменник –
перебрался в Киев жить.

Был в развалинах Акрополь.
Лишь мечтал Константинополь
отделиться от римлян.
А поселок на Подоле
стал по чьей-то мудрой воле
центром племени полян.

Там, где степь сомкнулась с лесом,
Днепр с Десной глубоким плесом
слились, словно на парад,
на холмистом возвышеньи
по семейному решению
появился славный град.

Щек, Хорив и Лыбидь с Кием
по Днепру сюда приплыли
допотопною ладьей.
В честь старшего брата Кия
новый город окрестили,
возведенный всей семьей.

Предки Киев заселяли,
племена объединяли
славяниновых родов.
Обживал крутые склоны
для труда и обороны
“матерь русских городов”.

Гончары и кожемяки,
молчуны и забияки
знали, где приют просить.
Основатели народа
репу рвали с огорода,
чтобы сбить закусить.

Между киевских оврагов
курсом в греки из варягов
бомж Олег с ватагой брел.
Угостив хозяев пиром,
умертвил Аскольда с Диром
и в князя себя возвел.

Раннее средневековье
сплошь испачканное кровью:
кто убийца – тот и князь!
Так Олег булатом прочным
укреплял славян восточных
политическую связь.

Его буйная дружина
с земляков тянула жилы:
хлеб, ткань, шкурки, мед...
Продналог сдавали даром.
Князь был ярый феодалом –
угнетал простой народ.

Покорил племен немало.
Но ему все ж не хватало
только Киевской Руси.
Щит прибил у Цареграда
и добрался б до Багдада,
если б змей не укусил.

Его дела продолжатель,
дани с родичей стяжатель,
Игорь, так крепил свой быт,
смердов так душил налогом,
что в родном краю убогом
был древлянами убит.

Чтоб покоя не лишиться,
нужно с рэкетом делиться
или сгинешь на корню.
Ольга, княжья половина,
сделав факел голубиный,
предала древлян огню.

Ольгу, после дальних странствий,
потянуло в христианство –
в мыслях кончился застой.
Женская душа – потемки.
Благодарные потомки
нарекли ее Святой.

Было и у Ольги сына
кое-что от христьянина:
Святослав от той поры
прежде, чем болгар невинных
бить по голове дубиной,
им кричал: “Иду на вы!”

Брат Кирилл и брат Мефодий
алфавит сложили строгий
для славянских книжных грез.
Потому тот вызов дерзкий
Нестор Киевопечерский
позже в летопись занес.

Святослав всю жизнь в походе,
по спартански, на свободе,
в вечных стычках проводил.
Жаль, что печенег коварный
его череп лучезарный
в ковш для браги превратил.

Младший сын его, сиротка,
перерезав братьям глотки,
прочно сел на княжий трон.
Но и после с сердцем чистым
родичей-сепаратистов
загубил немало он.

Вырвав самостийцам жало,
древнерусскую державу
князь Владимир привязал
к Киеву центральной власти –
светлый путь народов к счастью
в их единстве предсказал.

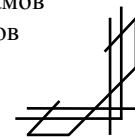
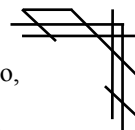
Перуна столкнувши с кручи,
крест подняв в руках могучих,
земляков он взволновал:
повелел всему народу
заходить по горло в воду –
грязь язычества смывал.

Православия внедреньем,
новым мира представленьем
он Святого заслужил.
Так наследник Святославов,
идеолог феодалов,
христианство заложил.

Сын его, понять не трудно,
прежде чем прозваться Мудрым,
всех брательников извел.
Укрепляя веры центр,
в честь святой Софии церковь
в городском ядре возвел.

Ярослав в своих проектах
был премудрый архитектор,
дипломат по всем статьям:
создал пятую колонну,
дочерей отдавши в жены
европейским королям.

Мудрым книжным божьим словом
и грамматики основой
стал воспитывать умы.
(До сих пор на стенах храмов
пакости древнейших хамов
расшифровываем мы.)

Edited with **Infix PDF Editor**
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Славя мир потусторонний,
Феодосий и Антоний,
отыскав глухой пустырь,
выкопавши в нем пещеры,
в укрепленье Божьей веры
основали монастырь.

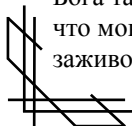
Мировую принял славу
стольный город Ярослава –
центр торговли, ремесла.
Умножал свои доходы,
расширял церковей приходы,
коим не было числа.

Но раздором Русь богата.
Вскоре брат пошел на брата –
жалкая славян судьба!
На грабительскую шалость
без зазора приглашалась
половецкая гурьба.

То, что нажито веками,
в пепел превращало пламя,
мира погубив ростки.
Из-за верховенства права
монолитная держава
расползалась на куски.

Опасаясь вечной муки,
князь Георгий Долгорукий,
заказав на гроб доску
в Киево-Печерской лавре,
до того, как был отравлен,
про запас создал Москву.

Сын его, порода князя,
из Владимира-на-Клязьме
на Днепре удел столбил.
Бога так любил Андрюша,
что монахов и старушек
заживо в огне губил.

Божьего не зная страха,
рвали шапку Мономаха
Галич, Суздаль, Ярославль...
Прекратили эти свары
лишь монгольские татары,
полчища свои наслав.

Каждый жался к своей балке.
Даже проигрыш на Калке
дружбы не навел мосты.
И тогда, как ястреб квочек,
стал их бить поодиночке
Чингизханов внук Батый.

Оставляя землю голой,
шли татарские монголы,
разрушая все подряд.
Солнце лишь догнать старались.
И до Киева добрались,
княжий осадив отряд.

Им давало наслажденье,
проломивши ограждение,
в воина вонзить стрелу.
А потом, при ясном свете,
как бы не рыдали дети,
взять в полон его жену.

Жителей, ни в чем не виновных,
крышей церкви Десятинной
завалить поверх голов
и, упившись русской кровью,
раздирать на части кровлю
златоверхих куполов.

На добычи свежий запах
дальше двинулись на Запад
орды кочевых татар,
чтоб на горе демократам,
непокорных азиатам,
мировой раздуть пожар.

Разоренья плод не сладок –
Киев впал в сплошной упадок.
В душах поселилась грусть...

И столицей не скрепленной,
феодално-раздробленной
стала Киевская Русь.

